

Первые шаги на учебной службѣ ¹⁾.

IV.

Открытие двухъ специальныхъ классовъ въ губернскихъ кадетскихъ корпусахъ было вызвано необходимостью. Въ Дворянскомъ полку, куда отправлялись кадеты шести губернскихъ кадетскихъ корпусовъ, прошедшіе общіе классы, не доставало уже ни мѣста, ни учебныхъ силъ для дальнѣйшаго увеличенія численности привозимаго изъ провинціи контингента; а, между тѣмъ, такое увеличеніе было неизбежно. Близилось время, когда и вновь открытый Кіевскій корпусъ долженъ будетъ отправить своихъ кадетъ въ столичные специальные классы. Имѣлось, кажется, въ виду открытіе и новыхъ корпусовъ, и разумѣется, надо было дать имъ всѣмъ самостоятельное устройство. За это время произошли и другія, менѣе значительныя измѣненія по учебной части. Прибавленъ пятый общій классъ, и вмѣсто прежнихъ двухъ приготовительныхъ оставленъ только одинъ. Соответственно этому, было сдѣлано и новое распредѣленіе учебныхъ предметовъ по классамъ; курсъ былъ поставленъ серьезнѣе. Кромѣ того, вмѣсто прежнихъ двухъ обязательныхъ иностранныхъ языковъ, представлено было изучать только одинъ, на выборъ, въ теченіе всего курса.

Вспоминая теперь объ этихъ нововведеніяхъ, которыя я засталъ въ родномъ корпусѣ, я могу съ убѣжденіемъ сказать, что открытіе специальныхъ классовъ оказало огромное вліяніе на весь строй корпусной жизни.

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1917 г.

Мнѣ приходилось уже говорить о воспитаніи въ кадетскихъ корпусахъ. Воспитателями были ротные командиры; младшіе офицеры только дежурили и надзирали въ свои служебные дни. Система воспитанія была проста: полнѣйшее уравненіе требованій безъ всякаго различія возрастовъ и классовъ. Кончающій курсъ почти 20-ти лѣтній юноша былъ такимъ же безправнымъ, несамостоятельнымъ и безличнымъ номеромъ, какъ и десятилѣтній мальчикъ. Въ доброе старое время такое уравненіе достигалось безпощадной дисциплиной и безудержными тѣлесными наказаніями.

Прошло, однако, время, когда такими порядками надо было поступиться, и прежніе всеильные воспитатели сразу потеряли весь свой авторитетъ въ глазахъ воспитанниковъ старшихъ классовъ. Въ мое кадетское время, въ Полтавѣ этого еще не было, но въ 1853 г. въ Дворянскомъ полку, гдѣ были въ то время одни только спеціальные классы, я уже засталъ начало развала. Дежурные офицеры были у насъ какими-то совершенно безгласными людьми и держали себя далеко отъ кадетъ. Когда ротный командиръ входилъ въ роту, намъ командовали „смирно“, но этимъ и ограничивался весь его высокій авторитетъ. Рассказывали и здѣсь о прежнихъ жестокихъ поркахъ, но это было уже только преданіе. Въ мое время тамъ было для насъ одно только наказаніе,—арестъ, который назначался дозами, смотря по проступку: за куреніе—два дня, за дерзость дежурному офицеру—одинъ день и т. п. Случались крупныя массовыя проступки, на примѣръ, одному офицеру, ловившему въ куреніи, изрѣзали въ лагерѣ, передъ послѣднимъ смотромъ, его мундиръ; за такія продѣлки сажали подъ арестъ на очень долгое время и виноватыхъ и подозрѣваемыхъ, и кадеты тревожно ожидали, что будетъ великое сѣченіе. Однако на моей памяти даже такой случай обошелся безъ розогъ: одного исключили, а остальныхъ выпустили послѣ долгаго сидѣнія.

Къ такого рода порядкамъ сводилось въ то время воспитаніе кадетъ спеціальныхъ классовъ и въ другихъ столичныхъ корпусахъ.

Старые кадеты пожалуй помнятъ еще, какими крупными массовыми безпорядками разрѣшилась такая воспитательная система.

Въ губернскихъ кадетскихъ корпусахъ дѣло шло патриархальнѣе. Пока курсъ ограничивался только подготовительными и общими классами, авторитетъ начальства держался еще довольно прочно даже и въ старшихъ ротахъ; въ большинствѣ

корпусовъ онъ тоже дѣятельно поддерживался розгой. Но и тутъ, уже въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ, начали дѣлаться конфиденціальныя указанія свѣше о болѣе умѣренномъ примѣненіи карательныхъ мѣръ. Не имѣя никакихъ другихъ средствъ для поддержанія своего авторитета, ротные командиры старшихъ ротъ и въ губернскихъ корпусахъ, тогда уже стали понемногу опускать руки. Когда открывались спеціальныя классы, старая система была уже поколеблена.

Открытіе этихъ классовъ неминуемо должно было нанести ей еще болѣе сильный ударъ.

Эта перемена въ корпусныхъ порядкахъ и нравахъ бросилась мнѣ въ глаза съ первыхъ дней моего прибытія въ корпусъ.

Скажу прежде всего объ офицерахъ. Я засталъ между ними многихъ почтенныхъ людей, которыхъ зналъ еще когда былъ кадетомъ. Они нѣсколько обрюзгли, но, въ сущности, сохранили на себѣ тотъ же старинный офицерскій Николаевскій обликъ, какой имѣли и въ прежніе годы.

Дежурили они, однако, въ двухъ старшихъ ротахъ не совсемъ такъ, какъ это было прежде. Многое, чего они не пропустили бы раньше, проскальзывало теперь какъ-то мимо нихъ, не возбуждая ихъ вниманія. Чувствовалась какая-то новая струя напускного добродушія, много смягчившая ихъ отношеніе къ взрослымъ кадетамъ.

Изъ числа почтенныхъ прежнихъ офицеровъ я назову Виктора Ипполитовича Моралевскаго, Адольфа Ивановича Шпринглевскаго, Петра Ивановича Ясинскаго, Андрея Ивановича Полонскаго, Якова Яковлевича Савоини, Адама Осиповича Банецкаго, Николая Петровича Самойлова, Петра Павловича Рубца.

Засталъ я между ними и новыхъ людей. Въ числѣ ихъ было нѣсколько старыхъ полтавскихъ кадетъ; изъ нихъ Василій Алексѣевичъ Рядновъ и Иванъ Андреевичъ Боголюбовъ снискали себѣ потомъ почетную извѣстность въ военно-педагогическомъ мірѣ. Въ то время Рядновъ былъ очень красивымъ сапернымъ офицеромъ, былъ уже женатъ, но любилъ общественныя развлеченія и превосходно танцевалъ мазурку. Поступилъ онъ дежурнымъ офицеромъ, но сразу же получилъ уроки географіи. Боголюбовъ былъ уланскимъ офицеромъ, по выпуску былъ, кажется, нѣсколько моложе Ряднова, но тоже былъ уже женатъ, и супруга его была одна изъ замѣтныхъ полтавскихъ красавицъ. Онъ пробылъ въ корпусѣ около трехъ лѣтъ и поступилъ въ академію генеральнаго штаба.

Припомню молодыхъ еще, но почтенныхъ Александра Ивановича фонъ-Плотта и Александра Ивановича Левенца; эти люди держали себя съ кадетами серьезно и корректно, чего я не могу сказать о нѣкоторыхъ другихъ изъ вновь опредѣленныхъ офицеровъ.

У нихъ выработалась манера держать себя съ кадетами старшихъ классовъ какъ-то совсѣмъ по-пріятельски. Такія отношенія, сами по себѣ, разумѣется, не заключаютъ въ себѣ ничего дурного, но здѣсь въ основу этой пріязни было положено явное негласное попустительство, а иногда и совсѣмъ безцеремонная критика дѣйствій начальства.

По наружности все шло какъ будто спокойно; все, что нужно было дѣлать по заведенному порядку, дѣлалось. Не было никакихъ крупныхъ проступковъ, нарушеній или неудовольствій, но при такихъ условіяхъ, втихомолку, разумѣется, могли твориться совсѣмъ безобразныя дѣла. Замѣчательно то, что объ этихъ дѣлахъ должны бы были не только догадываться, но и быть хорошо освѣдомленными тѣ изъ молодыхъ офицеровъ, которые стояли ближе къ кадетамъ, но, насколько помню, ни одинъ изъ нихъ никогда такъ и не приподнялъ этого покрывала.

Разсказывали мнѣ, напримѣръ, какъ одинъ кадетъ V общаго класса (это было какъ разъ передъ открытіемъ спеціальныхъ классовъ) устроилъ въ гренадерской ротѣ лавочку различныхъ лакомыхъ для кадетъ предметовъ и продавалъ ихъ желающимъ по цѣнамъ, установленнымъ съ общаго согласія. Дѣлалось это такъ: полы въ корпусѣ были въ то время не паркетные, а крашенные; изстари было заведено мыть ихъ періодически опилками, а для храненія опилокъ въ залѣ каждой ротѣ былъ устроенъ въ полу не глубокій люкъ, плотно, почти незамѣтно прикрываемый досками. Вотъ этотъ люкъ и былъ примененъ для храненія товара. Не понимаю, какъ это случилось, что никто никогда не обратилъ вниманія, что тамъ дѣлается, въ этомъ люкѣ, но меня увѣряли правдивые люди, что цѣлый годъ торговли прошелъ незамѣченнымъ, и что ротный командиръ, Иванъ Романовичъ Рубанъ, и офицеры посолиднѣе и теперь бы не повѣрили, что люкомъ можно было пользоваться такъ искусно. И вотъ бойкій, предприимчивый и лукавый кадетъ всегда имѣлъ въ своей лавочкѣ колбасу, ветчину, сало, хлѣбъ, табакъ, спички, карты и водку. Этого юношу, котораго я не хочу назвать, кадеты не любили за его низменные нравственные свойства, однако, его коммерческое предпріятіе, кажется, твердо держалось до выbytія его изъ

корпуса. Не помню теперь, чѣмъ онъ кончилъ, но, кажется, дальнѣйшее его поприще было неблагополучно.

Думаю, что этого случая довольно, чтобы составить себѣ понятіе о воспитательныхъ порядкахъ того времени.

Все ослабѣло: измѣнилось даже отношеніе офицеровъ къ формальнымъ сторонамъ ихъ службы. Прежде дежурство, напримѣръ, считалось дѣломъ отвѣтственнымъ; офицеръ видимо отрѣшался отъ всего обыденнаго и, въ своей парадной формѣ, серьезно исполнялъ свой долгъ. Теперь въ это дѣло было внесено что-то будничное. Помню, что Петръ Павловичъ Рубецъ, молодой и свѣтскій человѣкъ, котораго я однако помнилъ уже офицеромъ въ мои кадетскіе годы, раза два прибѣгалъ ко мнѣ съ убѣдительною просьбою продежурить за него завтра отъ такого-то до такого-то часа. На мое возраженіе, что этого вѣдь нельзя, что въ мое время я не помню такихъ случаевъ, онъ отвѣчалъ, что теперь это устраивается очень просто, что онъ скажетъ адъютанту и дастъ мнѣ знать. И я дѣйствительно дежурилъ за него не разъ, но къ счастью въ неранжированной ротѣ, гдѣ онъ числился тогда офицеромъ.

Вдумываясь въ эти порядки, я удивляюсь, что при этомъ видимомъ ослабленіи всѣхъ прежнихъ пружинъ, дѣла все еще шли по наружности довольно гладко; ничто не предвѣщало въ будущемъ какихъ-нибудь неожиданныхъ происшествій. Приписываю это твердымъ порядкамъ прежнихъ лѣтъ; жизнь была направлена такъ твердо въ опредѣленномъ направленіи, что ей трудно было выступить изъ береговъ.

Надо замѣтить, что и строевая часть тоже видимо стала ослабѣвать. Батальонный командиръ оставался все тотъ же, Федоръ Николаевичъ Дубровинъ; но того фронтового щегольства, которымъ славился нашъ корпусъ въ прежнее время, теперь не было.

Правда, съ тѣхъ поръ очень измѣнились и прежнія строевыя требованія. Строевые уставы были переработаны; прежніе учебные шаги, замысловатые ружейные приемы, требованіе безусловной механической точности отошли въ преданіе, и строй самъ собою долженъ былъ до нѣкоторой степени потерять свою церемониальную представительность.

Однако, и кромѣ того, было замѣтно гораздо болѣе равнодушное отношеніе кадетъ къ строевому дѣлу. Тутъ сказывался, пожалуй, тотъ общій упадокъ воинственнаго подъема, которымъ ознаменовалось это время. Фронтовики старой школы иногда просто не понимали новыхъ строевыхъ требованій. Оказалась потребность въ практическихъ показателяхъ, и съ этою цѣлью въ губернскіе

корпуса были командированы хорошіе строевики изъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ. Это было въ 1859 г. Въ Полтаву прибылъ подпоручикъ л.-гв. Павловскаго полка, Иванъ Ѳомичъ Барковскій и пробылъ тутъ все лагерное время и часть учебного года.

Раньше я не зналъ этого моего однополчанина, такъ какъ до того не несъ еще дѣйствительной службы въ своемъ полку, но здѣсь я съ нимъ сошелся.

Позднѣе онъ поступилъ въ академію генеральнаго штаба, и мы надолго потеряли другъ друга изъ вида. Какъ показатель уставовъ, онъ держалъ себя съ большимъ тактомъ, но все-таки во время батальонныхъ ученій, производимыхъ такими маститыми командирами, какъ Дубровинъ или младшій штабъ-офицеръ Стебницкій, странно было видѣть этого подпоручика, находившагося тутъ на случай какихъ-либо недоразумѣній или справокъ. Похоже было, какъ будто и въ центральномъ управленіи поколебалось довѣріе къ способностямъ корпуснаго строеваго начальства.

V.

Я засталъ почти всѣхъ учителей, у которыхъ учился въ мое кадетское время. Выбыли немногіе; не было Корженевскаго; онъ былъ назначенъ инспекторомъ въ институтъ. Сошли со сцены еще два-три; Соссе, Риккеръ, Кай. Но общій составъ учителей увеличился; для спеціальныхъ классовъ потребовались учителя военныхъ наукъ, законовѣдѣнія, статистики.

Для характеристики тогдашняго настроенія въ учительской средѣ, мнѣ надо остановиться на учителяхъ военныхъ наукъ, и, въ особенности, на одномъ изъ нихъ, сыгравшемъ большую роль въ свое четырехлѣтнее пребываніе въ кадетскомъ корпусѣ.

Александръ Павловичъ Риттеръ, поручикъ л.-гв. Литовскаго полка, въ то время молодой человекъ лѣтъ 26-ти, учился въ Полоцкомъ корпусѣ, потомъ въ Дворянскомъ полку. Я помню его репетиторомъ тактики въ этомъ корпусѣ. Когда потребовались учителя въ провинцію, онъ выдержалъ учительскій экзаменъ и былъ отправленъ въ Полтаву.

Учителя военныхъ наукъ въ губернскихъ корпусахъ пользовались въ то время особымъ положеніемъ. Это были сплошь молодые люди, но содержаніе ихъ по тому времени было значительно. Они получали 1.200 р. въ годъ, хотя уроковъ у нихъ было сравнительно немного, не болѣе 8-ми въ недѣлю.

Пріѣздъ учителей военныхъ наукъ въ Полтаву произвелъ нѣкоторую сенсанцію и въ корпусѣ и, пожалуй, въ обществѣ. Это были гвардейскіе офицеры, и преподавали они такіе предметы.—тактику, артиллерию, фортификацію,—о которыхъ до нихъ въ провинціи не имѣли никакого представленія.

Александръ Павловичъ Риттеръ какъ-то сразу занялъ видное мѣсто между учителями. Я не скажу, чтобы онъ былъ человѣкъ солидно образованный, но онъ удивительно умѣлъ всегда стоять на уровнѣ злободневныхъ вопросовъ. Онъ хорошо говорилъ, съ какой-то убѣдительною увѣренностью, и у него была рѣдкая манера благодушно иронизировать, когда собесѣдникъ его сбивался, на отживающіе уже взгляды и вѣрованія. При этомъ онъ былъ очень общителенъ и гостепріименъ; онъ заботливо обставилъ свою небольшую квартиру, и разъ въ недѣлю у него собирались всѣ корпусные учителя. Мало по малу авторитетъ его возросъ, и мнѣ, бывшему питомцу корпуса, странно было видѣть, что даже такіе почтенные люди, какъ Барсовъ, Зайцевъ, Пальчиковъ, очень считались со взглядами молодого офицера и остерегались его ироническихъ замѣчаній.

Преподавателемъ артиллеріи былъ молодой л.-гренадерскій офицеръ Николай Кузьмичъ Смирновъ. Онъ окончилъ артиллерійскую академію и хорошо зналъ свой предметъ. Его я помню тоже репетиторомъ въ Дворянскомъ полку. Онъ училъ насъ тамъ дѣлать старыя николаевскіе патроны, которые надо было „скусывать“ передъ тѣмъ, какъ они посылались въ дуло. (Была и команда такая: „скуси па-тронъ!“).

Николай Кузьмичъ былъ скромный, серьезный и дѣловитый. Онъ не чуждъ былъ и просвѣтительныхъ интересовъ, но у него была какая-то щепетильность по отношенію къ людямъ, и потому у него не было широкаго знакомства.

Съ Риттеромъ его связывали, такъ сказать, профессиональные интересы. Они вмѣстѣ пріѣхали, оба были одинаково чужіе въ Полтавѣ, оба преподавали новые предметы, и, естественно, должны были поддерживать другъ друга. Но пріязни у нихъ не было. Натуры были слишкомъ различны. Одинъ былъ человѣкъ бойкой мысли и красивой фразы, другой скромно дѣлалъ свое дѣло и былъ очень далекъ отъ какой бы то ни было рисовки.

Для фортификаціи нашелся свой домашній учитель. Еще когда я былъ Полтавскимъ кадетомъ, къ намъ пріѣхалъ молодой прапорщикъ л.-гв. Павловскаго полка, тоже полтавецъ, Михаилъ Яковлевичъ Попелло-Давыдовъ. Мы всѣ его тогда очень замѣтили, такъ какъ при первомъ появленіи у него была въ рукахъ

своеобразная, до того времени намъ неизвѣстная, гренадерская шапка. Онъ поступилъ къ намъ репетиторомъ новаго тогда предмета—ботаники, и кто-то намъ говорилъ, что онъ дѣйствительно былъ большой любитель и знатокъ растеній. Не знаю, держалъ ли онъ потомъ экзаменъ на учителя естественной исторіи, но у него были уроки, а когда стало извѣстно объ открытіи спеціальныхъ классовъ, онъ выразилъ готовность преподавать фортификацію. Это устроили. Первый годъ онъ преподавалъ этотъ предметъ приватно. Въ началѣ слѣдующаго учебнаго года онъ уѣхалъ держать экзаменъ и пробылъ въ отсутствіи около трехъ мѣсяцевъ. Я читалъ вмѣсто него лекціи въ обоихъ спеціальныхъ классахъ. Въ декабрѣ онъ вернулся полноправнымъ учителемъ.

Этотъ третій не подходилъ къ двумъ первымъ, для составленія гармоничнаго тріумvirата. Риттеръ и Смирновъ были для него слишкомъ столичными и много думающими о себѣ людьми, и онъ какъ-то сразу отстранился отъ нихъ. Это былъ человѣкъ не глупый, не лишенный наблюдательности и образованія и умѣвшій жить съ людьми, которые ему были нужны, но у него было много эгоизма, и близкихъ пріятелей у него никогда не было.

Я, разумѣется, не могъ и не умѣлъ разбираться въ то время въ моихъ отношеніяхъ къ людямъ; мнѣ было всего 20 лѣтъ. Не я устанавливалъ эти отношенія, а они складывались сами собой, какъ-то помимо меня.

Попелло-Давыдовъ былъ хорошъ со мной; я былъ для него человѣкъ не лишній, такъ какъ былъ силенъ въ чертежномъ дѣлѣ. Но было бы несправедливо указывать только на это; онъ любилъ показывать мнѣ иногда свои растенія и своихъ очень ручныхъ канареекъ и побесѣдовать за чайнымъ столомъ, за которымъ предсѣдательствовала его немолодая уже сестра, Полина Яковлевна.

Надо однако сказать, что Смирновъ и Риттеръ относились ко мнѣ еще болѣе просто и сердечно. Я былъ для нихъ какъ бы свой человѣкъ, членъ ихъ среды.

Случилось однако такъ, что къ Риттеру я сталъ ближе, чѣмъ къ Смирнову. Александръ Павловичъ былъ въ то время рѣшительно центромъ, который притягивалъ къ себѣ всю учительскую корпорацію. Поддался и я этой притягательной силѣ, поддался и мой родственникъ, Коля Кореневъ.

Мы встрѣчались съ Риттеромъ въ домѣ Ярошенко, бывали у него почти всякій вечеръ, когда у него собирались гости;

иногда онъ заходилъ къ намъ, и мы съ уваженіемъ предавались той восторженной болтовнѣ о новыхъ вѣяніяхъ, которая составляла характерную особенность интеллигентной молодежи того времени.

Мы встрѣтились съ Риттеромъ потомъ въ Петроградѣ, и я сохранилъ съ нимъ отношенія до конца его жизни. Онъ умеръ рано и онъ не былъ счастливъ... Во всякомъ случаѣ онъ пережилъ свое молодое, блестящее время и умеръ просто очень зауряднымъ учителемъ тактики. Я сказалъ уже, что онъ былъ кадетомъ Полоцкаго корпуса, прибавлю, что и у него были хорошіе задатки тѣхъ старыхъ полочанъ, которые оставили свое имя на разныхъ поприщахъ дѣятельности: Власовъ, Даниловичъ, Демьянинковъ, Семевскій, Дубровинъ... но онъ какъ-то рано выдохся: онъ оставался Рудинымъ въ то время, когда надо было начинать становиться уже Базаровымъ...

Кромѣ учителей военныхъ наукъ, были новые учителя и по другимъ предметамъ. Раньше я упомянулъ о молодомъ учителѣ географіи, Рядновѣ. По русскому языку новыми людьми для меня были: Степанъ Ивановичъ Пономаревъ и Николай Петровичъ Иллящевичъ. Первый былъ серьезный, спокойный и мягкій человекъ, пользовавшійся по своимъ познаніямъ большимъ авторитетомъ у кадетъ специальныхъ классовъ; второй—очень молодой, бойкій, расторопный и говорливый, но безъ серьезнаго содержанія. Былъ новый учитель исторіи, тоже совсѣмъ молодой, прапорщикъ Щелканъ. Много у него было самоувѣренности, много задора, но были у него, кажется, и хорошія знанія. Онъ оказался впоследствии украинскимъ либераломъ и долженъ былъ уйти изъ корпуса.

Былъ новый учитель законовѣдѣнія для специальныхъ классовъ г. Вакуловскій; засталъ я неожиданно среди корпусныхъ учителей очень немолодого уже начальника пансіона, въ которомъ я учился, Николая Николаевича Ганнота; было нѣсколько новыхъ преподающихъ изъ числа дежурящихъ офицеровъ, но фондъ учительскій для общихъ классовъ оставался прежній, такой же, какой былъ и въ мое кадетское время.

Возвращаясь къ кадетамъ, хочу отмѣтить особенность, которая пожалуй можетъ показаться даже мало вѣроятной для людей, не знакомыхъ съ жизнью тогдашнихъ кадетскихъ корпусовъ. Но, провѣряя себя, думаю, что вѣрно передаю дѣйствительное положеніе вещей. Особенность эта состояла въ томъ,

что, несмотря на большіе порядки по части воспитательной, классныя занятія кадетъ шли своимъ обыкновеннымъ ходомъ и никакого разстройства въ нихъ не замѣчалось.

Считаю такое явленіе характернымъ для того времени. За три съ лишкомъ года моей службы репетиторомъ, я не слыхивалъ отъ учителей сѣтованій на какое-либо замѣтное общее ослабленіе интересовъ къ учебному дѣлу. Бывали, разумѣется, лѣнтяи, какъ и всегда, но число успѣшно идущихъ не уменьшалось, и, что замѣчательно, въ числѣ успѣшныхъ находились иногда кадеты, совсѣмъ невысокіе по своему поведенію.

Въ спеціальныхъ классахъ замѣчался даже какой-то усиленный интересъ къ учебному дѣлу. Съ этимъ интересомъ къ знанію въ спеціальныхъ классахъ, какъ и съ упадкомъ дисциплины въ прежнихъ кадетскихъ корпусахъ, я тоже познакомился еще кадетомъ въ Дворянскомъ полку. Тамъ, при полномъ небреженіи къ требованіямъ воспитывающаго начальства и вообще при не очень высокомъ нравственномъ уровнѣ массы, замѣтно было какое-то всеобщее уваженіе къ учебному дѣлу. Тотъ или другой учитель давалъ иногда поводъ къ насмѣшкамъ надъ своими странностями, но преподаваемый имъ предметъ всегда оставался дѣломъ серьезнымъ, даже у такихъ, которымъ онъ не легко давался.

Иногда этотъ интересъ къ учебному дѣлу приводилъ даже въ Дворянскомъ полку къ нарушенію твердо установленныхъ классныхъ требованій; такъ, на заранѣе ожидаемые сенсаціонные уроки русскаго языка у Иринарха Ивановича Введенскаго, исторіи у профессора Касторскаго, статистики и политической экономіи у Самоѣловича (младшаго) собиралось большое число слушателей изъ другихъ отдѣленій, такое, что нельзя было всѣмъ и усѣсться; и вся эта масса убѣгала сюда отъ учителей, которые имѣли уроки въ другихъ отдѣленіяхъ. При огромномъ комплектѣ кадетъ въ Дворянскомъ полку, учителя обыкновенно не твердо знали своихъ учениковъ и въ лицо и по фамиліи, и такія перемѣщенія изъ одного отдѣленія въ другое происходили по большей части довольно гладко.

Вдумываясь въ такія явленія, я приписываю ихъ не только таланту названныхъ учителей, но и многимъ другимъ причинамъ, коренившимся въ устройствѣ прежнихъ кадетскихъ корпусовъ. При томъ полномъ разъединеніи воспитательной и учебной части, о которомъ я говорилъ уже въ прежнихъ моихъ воспоминаніяхъ („Годы моего ученья“ и пр.), учебное дѣло шло своимъ порядкомъ, совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было другихъ условій кадетской жизни. Къ тому же учителя составляли въ то время

корпорацию несравненно болѣе интеллигентную и болѣе серьезную, чѣмъ строевое начальство; и, что бы тамъ ни дѣлалось въ ротахъ, учебное дѣло шло своимъ правильнымъ и размѣреннымъ ходомъ. Это, разумѣется, заставляло и кадетъ смотрѣть на ученье съ уваженіемъ, какъ на основную часть ихъ подготовки къ предстоящей имъ жизни.

Для иныхъ стимуломъ служило, конечно, и то, что учебными успѣхами опредѣлялось старшинство по выпуску; но думаю, что тотъ общій интересъ къ знанію, о которомъ я говорю, опредѣлялся не погоней за баллами...

Здѣсь, въ Полтавѣ, въ спеціальныхъ классахъ не было такихъ преувеличеній, но учителя были довольны кадетами и говорили о нихъ, какъ о сознательныхъ самостоятельныхъ работникахъ, съ которыми пріятно имѣть дѣло.

Здѣсь отношенія этихъ старшихъ кадетъ къ учителямъ были очень просты, искренни и всегда почтительны; авторитетъ учителя стоялъ твердо. Я самъ имѣлъ возможность близко наблюдать эти отношенія.

Я занимался въ спеціальныхъ классахъ фортификаціоннымъ черченіемъ, обыкновенно я бывалъ ассистентомъ на годовыхъ и полугодовыхъ экзаменахъ по военнымъ предметамъ; у меня была работа и въ общихъ классахъ: я репетировалъ со слабыми по математикѣ и по физикѣ, и обыкновенно занималъ уроки, незанятые учителями этихъ предметовъ или военныхъ наукъ. Въ лѣтніе мѣсяцы меня назначали руководителемъ топографическими работами кадетъ, и, припоминая все это теперь, я не могу указать на какія-нибудь замѣтныя проявленія небрежности.

На топографическихъ работахъ у меня бывало три или четыре партіи, по четыре человека въ каждой; это былъ обыкновенный порядокъ для мензурныхъ съемокъ. Партіи работали въ разныхъ раіонахъ. Мы выходили на цѣлый день; кадеты снабжались хлѣбомъ, котлетами, яйцами и работали самостоятельно; я могъ посѣщать ихъ, провѣрять и направлять ихъ работы только урывками и хорошо помню, что работы шли обыкновенно очень правильно; всѣ работали охотно, весело, умѣло, а нѣкоторые и съ увлеченіемъ. Я самъ приходилъ иногда въ изумленіе отъ хорошаго качества этихъ работъ при повѣркѣ ихъ комиссіей. Былъ у меня старшимъ въ одной партіи юноша, очень способный, но считавшійся совсѣмъ не дисциплинированнымъ. Послѣ провѣрки работъ его партія комиссіей, Григорій Васильевичъ Котельниковъ ласково сказалъ

ему: — „Ну, сударь мой, ты, кажется, здѣсь нашель свое призваніе, и дай тебѣ Богъ хсть на этомъ остепениться“...

Останавливаюсь на этомъ нѣсколько долго потому, что это хорошія, дорогія для меня воспоминанія моей молодости. Милаго юношу я вижу и теперь, какъ живого, съ его смѣлыми и острыми глазами, и готовъ бы былъ, какъ прежде, сказать ему бодрое поощрительное слово.

Такимъ образомъ странное раздѣленіе воспитанія и ученія, на которое теперь мы можемъ смотрѣть съ недоумѣніемъ, спасло въ то время отъ паденія по крайней мѣрѣ одну изъ этихъ составныхъ частей того общаго воспитательнаго дѣла, которое должны были выполнять эти заведенія.

А. Д. Бутовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).
